

странным образом! К тому же уже сам иронический тон фельетониста при упоминании о «кружках», в которых можно преблагополучно провести свою полезную жизнь между зевком и сплетнею, сразу ставит под сомнение политическую подоплеку вкупе с автобиографическими признаниями. Сквозная тема Москвы и Петербурга, вбирающая и этот фрагмент цикла фельетонов Достоевского, позволяет предположить скрытую ссылку на «Петербургские записки 1836 года» Гоголя. «Трудно схватить общее выражение Петербурга, — пишет Гоголь. — (...) Сколько в нем разных наций, столько и разных слоев общества. Эти общества совершенно отделимы. . . Все составляют совершенно отдельные круги. . . И каждый из этих классов (...) составлен из множества других маленьких кружков, тоже не слитых между собой (...) Попытка на заведение публичных обществ доселе не имеет успеха (...) Что Петербург не сделался до сих пор гостиницею, этому виною какая-то внутренняя стихия русского человека, до сих пор глядящая оригинальностью. . .»²² «. . . весь Петербург есть не что иное, как собрание огромного числа маленьких кружков, — пишет Достоевский в фельетоне за 27 апреля, — у которых у каждого свой устав, свое приличие, свой закон, своя логика и свой оракул. Это, некоторым образом, произведение нашего национального характера, который еще немного дичится общественной жизни и смотрит домой» (18, 12). «Петербургские записки 1836 года» отстоят более чем на десятилетие от фельетона Достоевского, но Белинский в очерке «Петербург и Москва» (о котором не мог не знать Достоевский) привел обширную выдержку из «Петербургских записок 1836 года» Гоголя. Косвенным подтверждением того, что Достоевский ссылается именно на Гоголя (а не на очерк Белинского, например), является то, что в фельетоне за 11 мая, продолжая тему кружков и связанную с ней тему общественной жизни Петербурга, Достоевский употребляет общеизвестные фразы из поэмы Гоголя «Мертвые души» и некоторые из них подчеркнuto берет в кавычки: «. . . вникнуть в смысл, в содержание того, об чем у нас говорят общественные светские люди, люди — не кружок, я как-то до сих пор не успел. (...) Слышится иногда, что все будто говорят о каких-то серьезных предметах (...) но потом (...) никак не узнаете об чем именно: о перчатках ли, об сельском ли хозяйстве, или о том „продолжительна ли женская любовь?“»²³ (18, 22; курсив Достоевского; разрядка моя. — Н. Л.).

«Петербургские записки 1836 года» Гоголя отозвались и в раннем рассказе Достоевского «Ревнивый муж» с фельетонным подзаголовком «Происшествие необыкновенное», позднее объединенном с рассказом «Чужая жена», и в частности в иронических намеках на замечания Гоголя о духе и воздействии музыки. «Музыкальные страсти — житейские страсти, — пишет Гоголь, — музыка иногда только выражает, или, лучше сказать, *подделывается под голос на-*

²² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 179—180.

²³ Там же. Т. 6. С. 183.

ших страстей, для того, чтобы, опершись на них, устремиться брызжущим и поющим фонтаном других страстей в другую сферу».²⁴ Героя «Ревнивого мужа» Ивана Андреевича, как известно, привела в Италийскую оперу житейская страсть — ревность к собственной супруге. «Еще никогда не замечали в нем такого фогаге, такой страсти к музыке. (...) знали, что Иван Андреевич чрезвычайно любил всхрапнуть часок-другой в Италийской опере. . .». Теперь же он «залился и горячился, как самовар. (...) Говорят, что музыка тем и хороша, что можно настроить музыкальные впечатления под лад всякого ощущения. Радующийся человек найдет в звуках радость, печальный — печаль; в ушах Ивана Андреевича завывала целая буря» (2, 61—62).

М. Л. КОВСАН

ОБ ОДНОЙ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В «ДЯДЮШКИНОМ СНЕ»

Напомним соответствующее место из «Дядюшкиного сна»: «Рассказывали, между прочим, что князь проводил больше половины дня за своим туалетом и, казалось, был весь составлен из каких-то кусочков. Никто не знал, когда и где он успел так рассыпаться. Он носил парик, усы, бакенбарды и даже эспаньолку — всё, до последнего волоска, накладное и великолепное черного цвета; белился и румянился ежедневно. Уверяли, что он как-то расправлял пружинками морщины на своем лице и что эти пружины были, каким-то особенным образом, скрыты в его волосах. Уверяли еще, что он носит корсет, потому что лишился где-то ребра, неловко выскочив из окопика, во время одного своего любовного похождения, в Италии. Он хромал на левую ногу; утверждали, что эта нога поддельная, а что настоящую сломали ему, при каком-то другом походе, в Париже, зато приставили новую, какую-то особенную, пробочную. Впрочем, мало ли чего не расскажут? Но верно было, однако же, то, что правый глаз его был стеклянный, хотя и очень искусно подделанный. Зубы тоже были из композиции» (2, 300—301).

Нам представляется, что во время работы над описанием «составленного из кусочков» героя Достоевскому вспомнился один из эпизодов «Ивана Выжигина» Ф. Булгарина. (Вряд ли можно сомневаться, что еще в юности Достоевский прочел этот роман: он упоминается в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе».)

Во второй главе «Рассказ Арсалап-Султана о пребывании его в России» второй части романа герой вспоминает о своем посещении чиновного господина Фирюлькина, «дряхлого старичишки», «старого волокиты». Проходя «через уборную Фирюлькина (...) я невольно остановился, чтоб рассмотреть вещи, которых я прежде не видывал.

²⁴ Там же.

— Что значат эти два стеганные мешочка с подвязками? — спросил я.

— Это икры моего господина, — отвечал лакей.

— А это что за череп?

— Это его волосы.

— А эти кости?

— Это его зубы.

— На что же эти краски на столике, между щетками, пудрою и помадой?

— Это цвет лица моего барина.

— Хорош! — сказал я с насмешкою. — У него нет ни тела, ни души.

Извините, — отвечал камердинер, — у него три тысячи душ; это важнее, нежели одна своя».

В. П. ВЛАДИМИРЦЕВ

ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ

Беглые фольклорные цитаты

1. «Хозяйка». «... жили двенадцать братьев в темном лесу и как заблудилась в том лесу красная девица» (1, 276). «Сказка» восходит к волшебнo-сказочному сюжету, известному под названием «Мертвая царевна», или «Спящая красавица». См.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 179. По обычной версии сказки, «братья» являются разбойниками. В том и состоит тайный смысл ответа Катерины своему жильцу, что она каким-то образом причастна к «разбойничьим» ватагам волжской вольницы (ср.: «... говорят про темные леса, про каких-то лихих разбойников <...> про одну красную девицу и про Волгу-матушку» — 1, 280). «Сказка» Катерины — единственное в художественном творчестве Достоевского, вплоть до «Братьев Карамазовых» (Грушенькина сказка про луковку), цельное изложение народного сказочного сюжета, идентичное фольклорным подлинникам. 2. «Ползунков». Прямым заимствованием из фольклорного быта средних городских сословий является, в ряде случаев, поговорочная фразеология Ползункова. Его реплика (из флирта с Марьей Федосеевной) «ох, болит! что болит? — сердце; по ком?» (2, 12) имеет — причем слово в слово, с этнографической пометой «игра» — в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (М., 1955. Т. 2. С. 774) и есть не что иное, как сопроводительная текстовая формула комнатной игры в «фанты» (см.: Игры для всех возрастов. СПб., 1844. Ч. 2. Гл. IX, XIV). Ссылка на игру дана и у Достоевского: «фанты пошли» (2, 12). 3. «Село Степанчиково и его обита-

тели». 1) «... и вы по-французски: „та-та-та! та-та-та! вышла кошка за кота!“...» (3, 25). Источник рифмованной пародии на дворянское увлечение французским языком — две начальные строки детской, певшейся нянями речитативной песенки-потешки (Бессонов П. А. Детские песни. М., 1868. С. 13; Кудрявцев В. Ф. Детские игры и песенки в Нижегородской губернии // Нижегородский сб. 1871. Т. 4. С. 206—207). П. В. Шейн, записавший эту песню в Туле и Москве, поясняет: «... поющая держит ребенка на коленях, сидит у стола и при каждом слове ударяет в такт: „Тра-та-та, тра-та-та, / Вышла кошка за кота!“» (Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1, вып. 1. С. 13). 2) Лакей Григорий Видолясов заслуживает у дворовых мальчишек «всякие дурные слова» (3, 162). Одно из них: «Гришка-голанец съел померанец» (там же) — представляет собой рифмованное присловье к собственному имени, прибауточную дразнилку, народную эпиграмму, «красное словцо» — продукт детского сатирического фольклора (см.: Виноградов Г. Детская сатирическая лирика. Иркутск, 1925). Присловье отсутствует в фольклорных публикациях и, очевидно, не зафиксировано никем, кроме Достоевского. «Голанец» — голландец, «померанси» — апельсин (от гол. appelsien), как поясняет синхронный с той эпохой «Толковый словарь...» В. И. Даля (Т. 3. С. 271). 4. «Подросток». 1) «Деньги хоть не бог, а всё же полбога...» (13, 311). Народная пословица. Не исключено, что заимствована Достоевским из пословичного свода «Толкового словаря...» В. И. Даля (Т. 1. С. 428). Современный вариант: «Деньги хоть и не бог, но не ниже бога» (запись В. П. Владимирцева). 2) «... и пошел причитать: „Матушка моя родимая, и зачем же ты меня, такого горького пьяницу, на свет произвела? А и лучше б ты меня, такого горького пьяницу, на роду придавила!“» (13, 314). Отрывок из причитаний (причетов) пьяниц (см. указание на этот вид народных плачей: Симоны П. Программа для собирания пословиц, поговорок, острот, загадок и т. д. // Живая старина. 1898. Вып. 1. С. 118). Ближайший фольклорный источник — старинная песня «Горемыкин. Побег за Дунай»: «Мамушка моя, родимая мамушка! / Зачем ты меня, горького пьяницу, на свет породила? / Лучше б ты меня на роду придавила, / Чем меня на свет пустила!» (Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1874. Вып. 10. С. 101). Текстуально сближается также с мотивами «Плача об ульянсливой головушке» И. А. Федосовой: «Лучше матушка меня не породила бы» (Причитанья Северного края, собр. Е. В. Барсовым. М., 1872. Ч. 1. С. 274). 5. «Братья Карамазовы». «Ах поехал Ванька в Питер, / Я не буду его ждать...» (15, 59 и др.). Начальное двуступище из народной четырехстрочной женской частушки 70—80-х гг. XIX в. Одна из первых в русской литературе записей частушечной поэзии. Наиболее вероятное заключительное двуступище реконструируется следующим образом: «Куплю краснова на платье — / Буду с девушкам гулять» (Симаков В. И. Сборник деревенских частушек Архангельской... Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. Ярославль, 1913. Стб. 482).

¹ Булгарин Ф. Иван Выжигин. СПб., 1830. Ч. 2. С. 37, 41.